

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1. Дело о белом сапфире царя Дария	14
Глава 2. Дело о средневековой рукописи	44
Глава 3. Дело о танжерском пунше	71
Глава 4. Дело о древнем молоте Саниры	100
Глава 5. Дело о скрипичном футляре	128
Глава 6. Дело об отеле художников	169
Глава 7. Дело о коробе алхимика	197
Глава 8. Дело о завещании богача	229
Глава 9. Дело о недописанном романе	255
Глава 10. Дело об убийстве древнеегипетской мумии	287
Глава 11. То, как начиналось дело о затерянном среди болот старинном замке	316
Глава 12. То, чем закончилось дело о затерянном среди болот старинном замке	348
Глава 13. Истоки дела о залитом краской копье	376
Глава 14. Завершение всех дел (да-да! и дела о залитом краской копье тоже!)	424
ЭПИЛОГ	470

О чем сей роман? О любви! Конечно, о любви! А о чем ещё?! Мир застрял в XIX веке. Он не такой, как мы привыкли, без электричества и нефти, зато повсюду царят пар и сталь! Беспримерный сыскной надзиратель Вийт снова и снова распутывает самые загадочные, самые немыслимые преступления. Но не это главное! Главное — каждое расследование всё больше сближает его с прекрасной барышней, встреченной внезапно посреди большого города!

От автора:

никого этого не было и быть не могло!

Ещё от автора:

каждое преступление специально описано так, чтобы уважаемая публика могла распутать его одновременно, если даже не раньше, чем сам легендарный дедуктивист Вийт!

ПРЕДИСЛОВИЕ,

или Глава до начала глав, в которой почтенная публика и непревзойдённый сыщик Вийт присматриваются к странностям мира, в котором разворачивается эта история

Здесь вроде бы идёт 2025 год, но сложно не заметить, что дамы в этом мире ходят в длинных платьях, господа носят цилиндры, повсюду пыхтят паромобили, в домах и на улицах горят газовые светильники. Вполне можно подумать, что всё происходит в XIX веке.

Городовой может схватить за шкуру беспризорника, граф – дать по случаю именин дочери бал, студент – затянуть знакомую барышню на тур гавота. Дедово отношение к жизни годится для внука, а прабабкины рецепты – для стряпни правнучки. И правнучка будет на кухне именно что не готовить, а как раз-таки стряпать! Многие черты далёкого прошлого с течением времени здесь не исчезли, а, наоборот, стали лишь чётче, заметнее, конденсированнее.

В этом мире говорят тем же языком, используют те же слова и фразы, что и сто пятьдесят, а то и двести лет назад. Даже имена не изменились, и непривычные нам Анфиры Житеславовичи да Далёборы Ромуальдовичи кажутся вполне обыденными.

Как всё началось, известно – изобрели паровые машины ещё в XVII веке, гораздо раньше, чем в нашем мире. И случилось это именно в Володимире, том городе, где несёт свою неусыпную службу бесподобный Вийт. Технический прогресс рванул вперёд. Казалось, этот мир уйдёт от нас далеко вперёд. Этого, однако, не произошло. По какой-то непонятной причине всё остановилось.

Нам, жителям электронно-пластикового века, кажется невысказанным, невозможным, чтобы каждый день не появлялись новые изобретения, мир не менялся буквально на глазах, а человек, отключивший в отпуске интернет, не выпадал из жизни.

Здесь же ничего подобного и в помине нет! Этот мир с его спокойным, размеренным, предсказуемым на десятилетия вперёд бытием может показаться даже привлекательным, заманчивым. Но разве это жизнь?

Изнутри, конечно, почти невозможно заметить, что с человечеством что-то не так. И уж тем более невозможно обеспокоиться столь затянувшимся застоём — обеспокоиться настолько, чтобы заняться расследованием.

И всё же однажды, во время игры в местную разновидность конного поло, правда постучалась в двери к легендарному сыщику Вийту.

Вдоль кромки травяного поля, использовавшегося для конного поло, кок-бору и других похожих игр, стояло несколько десятков болельщиков. Они то кричали что-то подбадривающее, то принимались улюлюкать — в зависимости от того, как складывалась ситуация для поддерживаемой ими команды. Восемь наездников — по четыре с каждой стороны — пытались выхватить у противника странный мяч с десятком торчавших в разные стороны метровых отростков, сделать подачу и, в конце концов, поразить ворота соперника. Голы были редкостью, борьба в основном шла в центре поля.

Стоял один из тех чудесных вечеров, которыми так отличалось лето в 2025 году.

Нападающий команды «фиолетовых» на мгновение остался без внимания противников. Он поднырнул под брюхо своей лошади, завладел мячом, схватив его за один из боковых отростков, пришпорил коня и поскакал к воротам «оранжевых». Все игроки ринулись за ним. Из-под копыт полетела вырванная трава. Болельщики заорали.

Мчавшийся за всеми ампир, как назывался в этой игре судья, взглянул на часы, дождался, пока секундная стрелка перескочит к «12», и закричал, осаживая своего жеребца:

— Кок-бору!

Игроки натянули поводья. Разгорячённые лошади, вынуждаемые наездниками остановиться, закрутились на месте, перебирая копытами, мотая головами, хрипя. Один из жеребцов заржал.

— Кок-бору! — повторил судья и резким движением указал руками в противоположные стороны. — Чакка!

— Период закончился! — прокричал зрителям боковой ампир. — Перерыв восемь минут!

Застигнутый в момент атаки нападающий «фиолетовых» с досадой швырнул на траву мяч с длинными «рогами». Тот, будто гигантский морской ёж с иглами во все стороны, поскакал на них, приседая и подрагивая. «Иглы» вызывающе торчали, приглашая, даже призывая, чтобы кто-нибудь схватил мяч за одну из них и бросил в сторону ворот.

Зрители, также недовольные тем, что неумолимый хронометр преврал нападение команды «фиолетовых», зашумели и заулюлюкали.

Ампир развёл руками. Мол, что я могу поделывать!

Игроки обеих команд осознали наконец, что пора отдохнуть, и направили лошадей к краю поля, к ожидавшим их помощникам с горячим подсоленным чаем.

Вечерело. Солнце уже достаточно склонилось к горизонту, чтобы бить своими алыми лучами в глаза «фиолетовой» команде.

Судья подъехал к нападающему.

— Милостивый государь!.. — грозно начал он.

— Сыскной надзиратель Департамента полиции барон Ронислав Вакулович фон Вийт-Лодимирский — к вашим услугам! — представился провинившийся.

Он стянул с головы толстый кожаный шлем с забралом из стальных прутьев и взъерошил слипшиеся от пота волосы.

Да, в нападении у «фиолетовых» играл сам Вийт, тот самый Вийт, прославленный сыщик!

Он был весьма молод, хоть и не юноша, где-то между двадцатью пятью и тридцатью годами. Утончённый орлиный нос выдавал в нём природное благородство, высокий лоб — острейший ум, гладко бритое лицо — склонность к изящному искусству, а чёрные кудри и чистые карие глаза — те волнения, которые Вийт уже много лет учинял слабому полу.

Услышав легендарное имя, судья на мгновение опешил. Но всё же сумел преодолеть замешательство и сурово проговорил:

— Ваше высокоблагородие! Сбрасывать соперника с лошади, приподняв его ногу коленом, запрещено! Как бы вы ни прикрывались крупом коня, я всё вижу! Удаю до окончания игры, имейте в виду!

Вийт хотел было возразить, но ампир снова нахмурился, и сыщик только махнул рукой. Он соскочил с коня и, ведя его под уздцы, пошёл к стоявшему на краю поля слуге.

Того звали Фирс. В казённых бумагах он значился истопником барона, но все знали, что Фирс — не просто истопник, а друг детства и неизменный помощник Вийта. Они даже были на «ты»! Слуга был одного с детективом возраста и, в общем-то, схожей внешности, если не считать более высокого роста, более широких плеч, простонародной курносости, прямых волос, мушки на щеке и аккуратных бакенбард.

Истопник протянул сыщику полотенце, и тот, бросив слуге шлем, принялся вытирать лицо. Подбежал кто-то из конюхов и увёл жеребца. Вийт проводил коня взглядом, повернулся к Фирсу.

— Ты, я смотрю, ещё и прессу успеваешь читать, — недовольно буркнул детектив, кивая на номер «Пружинок» в руках помощника.

— За игрой я слежу, не сомневайся, — пожал плечами Фирс. — Но очевидно же, что вы проиграете! Счёт разгромный! А профессор Бланки написал интересную статью!

— И ничего мы не проиграем! — возмутился Вийт. — После перерыва команды должны поменять местами, теперь солнце будет светить им в глаза! — дедуктивист стянул через голову фиолетовую накидку. От его льняного спортивного комбинезона валил пар.

Истопник протянул хозяину кружку чая. Тот повесил на плечо полотенце и стал мелкими глотками пить.

— Бланки нашёл окаменелую черепную кость, на которой видны следы вибрисс¹, — проговорил Фирс, указав на дагеротипный снимок посреди статьи. — А это значит, что ископаемое животное, во всём остальном пресмыкающееся, было покрыто шерстью, — истопник пожал плечами. — Но ты знаешь Бланки, начав с палеонтологических древностей, он сразу же съехал на язвы нынешнего общества.

---

¹ Длинные чувствительные «усы» у многих млекопитающих.

Он пишет, что человечество лет двести назад на полном ходу врезалось в озеро мёда. И это нужно расследовать! Почему бы, мол, нашему захваленному Вийту не заняться этим делом!

Дедуктивист хмыкнул.

— Такого я ещё не слышал.

Он допил чай, отдал кружку помощнику и стал приседать, готовясь к следующему чакку.

— «Развитие науки и общества на протяжении всего XVIII века шло с каждым днём всё быстрее, — стал читать Фирс. — Было сделано множество открытий, множество изобретений. Люди начали смотреть на себя и на окружающий мир другими глазами. Казалось, следующее, XIX, столетие станет триумфом прогресса, но внезапно скорость развития резко упала. В XXI веке человек в целом живёт так же, как и двести лет назад. Мы легко могли бы приспособиться к какому-нибудь 1825 году, если бы там оказались, а житель того года — к нашему 2025-му».

— И что в этом странного? — буркнул Вийт. Он перешёл к прыжкам на месте. — Так всегда было. Разве человек из 1025 года не смог бы жить в 825?

— Да, но разве узнал бы свой мир житель 1825 года, окажись он в 1625? И наоборот?

Сыщик пожал плечами и принялся поочерёдно подтягивать колени к груди.

— А почему Бланки назвал всё это «озером мёда»? — спросил он. — Из-за того, что ноги вязнут и быстро двигаться невозможно?

— Да, — кинул Фирс. — А ещё потому, что жизнь в течение последних двух столетий была на удивление благополучной. После потрясений Великой французской революции и наполеоновских войн цивилизованный мир более не знал разрушительных бунтов и крупных вооружённых конфликтов. Всё тихо и спокойно, как в меду.

— Ну, это он преувеличил, — хмыкнул Вийт. — А как же нищие, беспризорники, эпидемии гриппа и чахотки, голодающие, луддиты, анархисты, социалисты, ретроградисты? Вена вон опять отозвала посла из Пруссии! Всего этого Бланки не заметил? А происходящие ежедневно открытия и изобретения!..

Они бы, наверное, продолжали этот разговор, и Вийт, в конце концов, всё-таки заинтересовался бы загадкой, но тут детектив, искавший достойный пример в подкрепление своих слов, не ко времени вспомнил об одном недавнем изобретении:

— Ты, например, слышал о зажигалке? Поразительно!

Истопник мгновенно поддался очарованию неведомого приспособления и позабыл о человечестве.

— А давай!.. — Фирс всем телом обернулся к детективу. — А давай купим себе такую! Прямо с утра завтра заскочим к ювелиру Кей-стуту! Если у него нет, то нет ни у кого!

— Плачу я, а пользоваться будешь ты? — хмыкнул Вийт.

Тут товарищи заметили трёх очаровательных молодых женщин, направлявшихся к ним, и статья Бланки была позабыта окончательно.

Дамы по юнге-моде этого сезона были одеты в платья, из-под которых то и дело легкомысленно мелькали туфельки. Да что там туфельки! Если не пожалеть времени и понаблюдать за бунтарками, то можно было заметить даже щиколотки! Женщины перешёптывались и смеялись, загораживаясь от друзей белыми бумажными парасолями.

Фирс пригнулся в поклоне. Вийт поспешно стал приводить волосы в порядок, но понял, что ничего не получится, и склонил в приветствии голову.

— Ах, барон! Как мужественно вы играете! — воскликнула одна из молодых женщин. — Газеты пишут, что вы вчера едва не погибли в схватке с преступностью! Это было бы так досадно!

— Невозможно, госпожа Бук! — галантно улыбнулся сыщик. — Разве мог я обмануть ожидания товарищей по команде! Сегодня ведь важнейшая игра!

— Я так и думала! — молодая женщина повернулась к подругам, и те почему-то снова рассмеялись.

— Кок-бору! — донёсся с середины поля крик ампира. — Одна минута до начала следующего чакка! Игроки, в центральный круг!

Появился конюх, ведя за собой свежего жеребца, не того, на котором Вийт играл в предыдущем периоде.

Предисловие

— Простите, милые дамы, — вновь поклонился женщинам дедуктивист.

Он подобрал с земли свою фиолетовую накидку и принялся натягивать на себя.

— Барон, вы ведь помните о приглашении на завтрашний бал? — поспешно заговорила госпожа Бук. — Мы с мужем будем счастливы вас видеть! С вашим верным помощником, конечно!

— Пренебрежнейше будем! — кивнул Вийт. Он надел на голову шлем, затянул ремешки, подошёл к коню и легко вскочил в седло. — Пренебрежнейше!

СЫЩИК ВИЙТ И ДЕЛО О БЕЛОМ САПФИРЕ ЦАРЯ ДАРИЯ,

*или Глава 1, в которой холодная логика
острейшего ума противостоит жезлу, змее
и сосуду с кармической жидкостью. Сыскной
надзиратель Вийт оказался втянут
в спиритический сеанс, один из тех, которые
граничат с преступлением, а может,
и являются таковым!*

На подступах к речной пристани шумел ночной город Володѣмир, прекрасный и блистательный Володимир, Володимир, залитый светом газовых фонарей, охваченный лихорадкой бесчисленных балов, разгорячѣнный театральными представлениями. Повсюду был пар — гудели паровые экипажи, жужжали паровые подъѣмники, стучали паровые телеграфные аппараты, стрекотали паровые афишные тумбы des Colonnes Morris². Пар клубился, струился, растворялся в прозрачном ночном небе. К нему примешивался угольный выхлоп рейсового дирижабля — летательный аппарат товарищества «Лодимиръ» как раз заходил на посадку на Северный вокзал. От идущей по реке баржи с гиппопотамами веяло свеженарезанными лимонами. Где-то на невидимой отсюда площади Успенского собора под вжики метлы дворника и верещание забытых туристов пел незатейливую песенку о чудесной Фарной улице шарманщик.

Сыскной надзиратель Вийт, тяжело опираясь на трость, спустился по уходящим под воду ступеням набережной к реке Луге. Его мужественное лицо всё ещё покрывали многочисленные царапины, оставшиеся после утренней схватки с противниками, о которых детектив предпочитал газетчикам ничего не говорить.

---

² Колонны Мориса (фр.).

Верный помощник Фирс, внешность которого также пострадала, помог сыщику забраться в арендованную лодку.

— Ненавижу, когда ты назначаешь дуэли на полночь! — говорил истопник.

Детектив пожал плечами. Он был в парадном полицейском мундире, при сабле и шпорах. Правая рука у него висела на перевязи, левую щиколотку защищала толстая белая повязка.

— И вообще, зачем ты попадаешься мужьям любовниц! — продолжал Фирс, ловко орудуя вёслами. — А уж если попадаешься, то мог бы по крайней мере научиться парить в воздухе, когда тебя выбрасывают из окон! Не всюду так удачно растут деревья!

Подгоняемая сильными гребками лодка стремительно неслась по воде. Её тёмный силуэт летел сквозь вздымавшиеся речные волны, вопреки запретным знамениям на бакенах, наперекор встречному ветерку...

Впереди, в лунной дорожке, рос поджидавший её ялик. В нём в нетерпении метался разъярённый артиллерист Бук.

— Зачем вы выбрали столь странное место! — вопил он, весь в золотых шнурах и позументах, с начищенными пуговицами, сияющими от ваксы голенищами ботфортов и похожими на роскошные обувные щётки эполетами. — Посреди реки! Неслыханно!

— А зачем вы выбрали сабли? — парировал Вийт. — В двадцать первом веке! Что за дикость!

— Чтобы осечек не было! — мрачно проскрипел капитан.

— Поединок до смертного конца?

— Поединок до смертного конца! — отрезал Бук.

Лодки поравнялись, соприкоснувшись бортами. Фирс и слуга военного прикрепили их друг к дружке чугунными скобами и приняли расставлять факелы.

Из темноты вынырнула ещё одна шлюпка.

— Секунданты, господа! — объявил сидевший в ней офицер. — Я штабс-капитан Мамчур! А это городской Кутюк от барона фон Вийта!

— Городовой! Ещё одно оскорбление! — взревел Бук.

— Полицейский не может быть оскорблением! — буркнул Ронислав Вакулович.

Секунданты, балансируя в неверной лодке, поднялись.

— Предлагаю закончить дело миром! — прочитал по бумажке Кутюк.

В свете полной луны лицо Бука исказилось, на мгновение превратившись в злобную маску.

— Мы отказываемся от примирения! — процитировал свои записи штабс-капитан.

О борта лодок с тихим плеском бились волны реки.

Из воды медленно поднялась голова карпа. Холодный, расчётливый глаз с пытливым подозрением смотрел на дуэлянтов. Затем рыба столь же неторопливо исчезла в бездонной тьме.

Издали донеслась едва слышимая на таком расстоянии песня извозчиков. Потянуло холодной сыростью.

Секунданты выждали ещё несколько томительных мгновений, но противники так и не проронили ни слова.

— Что ж... — пожал плечами городовой и повернулся к слугам. — Разжигайте факелы!

Фирс и денщик Бука немедленно зачиркали серными палочками.

Мамчур вздохнул, подобрал с сиденья дуэльные сабли и вручил их для осмотра противникам.

Пока Ронислав Вакулович вертел в руках клинок капитана, Кутюк прошептал:

— А Бук-то, оказывается, раньше служил в кавалерии. Фехтовал каждый день. Из сабельных поединков не вылезал...

Фирс посмотрел на городового, поднял воротник и наклонился к детективу:

— Думаешь, двух уроков, полученных тобой в детстве, хватит?

Сыщик хмыкнул.

Тем временем капитан Бук закончил осмотр оружия Вийта.

— Слишком много украшательств! — презрительно процедил он сквозь зубы. — Смешно! Даже для парада смешно! Уж лучше воспользуйтесь служебной «селёдкой», — он кивнул на саблю, висевшую на боку детектива, — а то, право дело, неудобно перед людьми!

— Это родовой клинок дома Вийтов! — возмутился Ронислав Вакулович.

Бук злобно расхохотался и поднялся во весь рост.

Сыщик последовал его примеру.

Стараясь не слишком раскачивать лодки, противники встали в позиции.

Вийту для этого понадобилось опереться на трость, которую он, впрочем, сразу же отдал Фирсу. Дуэльную саблю детектив держал в левой руке.

Артиллерист, всё ещё кривясь в усмешке, в нервическом нетерпении стал дёргать свой пышный драгунский ус.

— Полноте, господин Бук! — улыбнулся детектив. — Разве можно в наше время так относиться к измене жены?! Подумаешь, изменила! Так ведь с достойным представителем древней фамилии, неотразимым мужчиной, знаменитейшим сыщиком!

Артиллерист заревел и рванул саблю вверх.

— Стойте! — заорал Мамчур, перепрыгивая с риском перевернуть лодки к капитану и бросаясь под его руку. — Без сигнала нельзя! Нельзя! — секундант едва ли не силой заставил Бука сделать шаг назад. — Дождитесь отмашки! — повторил Мамчур. Внимательно посмотрев на своего подопечного и убедившись, что самая мучительная волна ярости отступила, он отпустил артиллериста, достал ещё одну бумажку и стал читать: — Доктор Лафарг предупредил нашу сторону о наложенном на левую лодыжку барона гипсе...

— Гипсе! — нервно хохотнул Бук. Его налитые кровью глаза горели ненавистью.

— Да, гипсе, — невозмутимо подтвердил Фирс. — По мнению доктора, у этого строительного материала большое будущее в медицине.

— ...Мы также извещены о том, что противная сторона не в состоянии пользоваться правой рукой, — продолжил Мамчур чтение. — Согласно дуэльному кодексу мы обязаны отложить поединок до полного выздоровления.

— Ах, оставьте! — рыкнул капитан, и его лицо исказила злобная гримаса. — Жаль, что прошлой ночью я слишком быстро выбросил господина барона в окно! Слуги не сумели его догнать!

Вийт сверкнул глазами.

— В отсрочке не нуждаюсь! — произнёс он надменно, и весь мир содрогнулся от его ледяного тона. — Не пора ли начинать?

Секунданты переглянулись.

— Что ж... — протянул Мамчур с сомнением. Всё ещё колеблясь, он полез обратно в свою лодку. Выпрямился там. Набрал полную грудь воздуха и крикнул что есть мочи: — Изготовьсь!

Сабли взмыли вверх. На клинках сверкнули отблески лунного света.

Замершие посреди чёрной реки в боевой позиции, освещённые доброй полудюжиной пылающих факелов, дуэлянты казались нереальными, потусторонними фигурами.

— Остановитесь! — раздался крик с берега. К гранитному паркету семеня какой-то человек. — Я хроникёр Квитославный из газеты «Чуткий!» Прощу вас, дождитесь дагеротипистов!

Вийт и Бук продолжали безотрывно следить друг за другом.

— Ночью снимки всё равно не получатся! — выдохнул детектив. Не спуская глаз с артиллериста, он поиграл саблей в левой руке. — Довольно неудобно... — бросил быстрый взгляд на секундантов: — Так начинаем?

— Начинайте! — крикнул Мамчур.

— Прощай же, коварный искуситель!.. — звериная гримаса исказила лицо капитана Бука.

Резким движением он рубанул сверху вниз, явно намереваясь одним махом срубить Вийту голову. Клинки со звоном встретились, и сыщик едва удержался на ногах, столь сильным был этот удар.

В рукоятке сабли Ронислава Вакуловича сработал рычаг. Туго сжатые пружины с обеих сторон хлестнули по скрещённым лезвиям, вызвав вибрацию и создав мимолётное, но неожиданное сопротивление обратному движению рук. Оружие артиллериста вырвалось на свободу, пронеслось над головами и плюхнулось в Лугу.

Одновременно раздался рёв взбешённого Бука, визг его перепуганного слуги, лишившегося клока пышного чуба, и вскрики изумлённых секундантов.

Лишь Фирс сохранил приличествующее случаю спокойствие.

— Бесчестно! — орал капитан. — Барон применил какой-то механизм! Я почувствовал!